

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a woman in a blue hooded jacket and a purple face mask standing in a desolate, post-apocalyptic street. A large, grey, wolf-like creature is perched on the hood of a dark, rugged vehicle behind her. The sky is a mix of dark purple and orange, suggesting a sunset or sunrise. The buildings on either side of the street are dilapidated and covered in debris.

МЕРИ ЛИ

СТОЛКНОВЕНИЕ
НЕИЗБЕЖНО

ВО ВЛАСТИ
ТУМАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мери Ли
Во власти тумана
Серия «Туман», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68837946

SelfPub; 2023

Аннотация

Бежать – одно-единственное действие, которое стало смыслом моей жизни. Я нажила себе опасного врага и точно знаю – Закари Келлер не оставит меня в покое. И только одному богу известно, что будет, когда хищник поймает свою жертву.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	40
Глава четвертая	66
Глава пятая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мери Ли

Во власти тумана

Глава первая

Снег продолжает кружить, а холод заставляет закутаться поглубже в ворованную куртку и натянуть пониже кепку. Дубак.

Я нашла эту проклятую школу через три дня, после того как покинула базу номер восемь. Если честно, даже не хочу вспоминать время, которое прожила на восьмерке и девятке. Ничего хорошего мне это не принесло. Желаю перечеркнуть всё, что было со мной до попадания в Беримор. Мечтаю вычеркнуть из памяти семейство Келлер. Полковника, которая убила маму, продала сестру и Доми, а меня заставила пойти к своему чудовищному сыну. Хочу забыть Зейна, те чувства, что начала испытывать к нему. Раньше, ещё до того как я попала на девятку, Зейн казался мне тем человеком, которого сама судьба подарила мне. Он сильный, смелый, серьезный... я хотела быть с ним, жить на восьмерке и испытывать мгновения радости, которые мы могли бы разделить вместе. И уж поверьте, я бы возвращала эти подарки с утроенной силой и рвением.

Хотела быть обычной девчонкой и встречаться с парнем, который казался плохишом, выяснять отношения, целоваться и обниматься. Думать, что для него я та самая единственная и неповторимая. Быть беззаботной, настолько насколько это возможно в наших реалиях. Но и прекрасный Зейн предал меня. Он вошел в доверие, а потом обманул, хотя мог сказать, что сестры на восьмерке уже нет, и тогда бы я поступила по-другому. Он прогнал Лари, и теперь неизвестно, возможно, младший Келлер виновен не только в неизвестности местоположения моего друга, но и в его смерти.

Но больше всех я хочу забыть Закари, вот кто оказался самым плохишом из всех, кого я только могу припомнить. По многим причинам желаю вычеркнуть его образ из своей головы. Но не могу. Я буквально чувствую, как он дышит мне в спину. Ощущаю презрительный взгляд голубых глаз. Слышу колючие слова.

За три дня я много думала. И к сожалению, во всём, что произошло со мной, я не могу винить только семью Келлер. Ведь большую часть я сделала своими руками. Это именно я привела маму, сестру и Лари на восьмерку. Я начала заигрывать с Зейном, старалась угодить полковнику, я оказалась на девятке, я пыталась обмануть Зака.

Моей вины в случившемся ровно половина, но я об этом думать не хочу. Проще ненавидеть кого-то, нежели себя. Так ведь?

Рассуждать о прошлом, конечно, интересно, но меня

сейчас куда больше интересуется будущее.

Нужно найти защиту, попасть в какую-то общину или же на военную базу. У меня есть вакцина, и я должна воспользоваться ей по максимуму.

Картинка в Бериморе намного отличается от того, что я видела в двух предыдущих городах. Беримор намного больше, чем я предполагала, здесь уйма военной техники, вот только нет тех, кто сможет ею управлять. Здесь нет никого. Пустота и отголоски смерти гуляют по узким улочкам города. Куда делись люди? Неужели все мертвы? Это же просто невозможно.

Ветер завывает, он словно хочет поговорить с кем-то, но в ответ ему тишина.

Смерть витает по пустынным улицам и приносит с собой разочарование для любого, кто ищет компанию, я же вообще не хочу видеть людей. Я поняла это за последние трое суток. Уже столько раз наступала на грабли под названием "доверие", что ещё один удар черенком по голове я не выдержу. Если нет людей, то нет и соблазна довериться им. Единственный, кому я могу доверять, – это Волк. Он предан мне, как и я ему. Эти три дня показали, что мы одна команда.

Школа – единственное место, которое продолжает жить. Я видела, как на огороженную территорию въехал желтый автобус, оттуда вышли трое мужчин в балахонах, сшитых из детских вещей, они вывели трех девушек и быстро спрятали внутри достаточно внушительного здания. Все окна заколо-

чены наглухо, даже если я подберусь поближе, то единственным шансом попасть внутрь будет парадная дверь. И что-то мне подсказывает, что её охраняют.

Сижу здесь уже больше часа, но других движений или даже звуков не наблюдаю. Только ветер и наше с Волком размеренное дыхание.

Нужно понять, сколько людей находится внутри и там ли Лекса. Я не могу побежать в школу очертя голову. Нужно быть хитрее. Импульсивность тут неуместна.

Поднимаю лицо вверх и теперь вижу утреннее солнце, оно холодное и далекое. С приходом снега изменилось многое. Стало холоднее, дороги скользкие, а предательские следы так и норовят выдать место моего расположения. Сам туман, он никуда не ушел, но стал более слабым, всего лишь тонкая вуаль на глазах смотрящего.

Холод, пробирает до костей, моей одежды было недостаточно, и мне пришлось вскрыть машину. И это выглядело совсем не как в фильмах. Водительское окно было приоткрыто, и я просто выстрелила в него, потом вытолкала треснувшее стекло внутрь и забралась в автомобиль, нашла там мужскую куртку и бейсболку. Забрала всё, натянула на себя и, сев на мотоцикл, поехала дальше.

Самое странное то, что за все три дня я не видела ни одного зараженного. Они словно испарились. Надеюсь, эти твари боятся снега куда больше, чем дождя. Или же они приспособляются. А это более страшно.

Жаль, что моей головной болью являются не только мутирующие люди, есть вполне себе обычные, которые идут за мной следом. Я уверена, что Закари Келлер отправил за мной толпу своих солдат. Ему нужна вакцина. Но мне она нужна тоже. Отдам ли я её без боя? Безусловно – нет. Но если дойдет дело до открытого противостояния, то у меня нет иллюзий по поводу победителя. Мне Закари не одолеть. Честным способом – нет.

Хватит витать в мыслях, нужно найти подходящее место для слежки за школой. Чувствую, что Лекса там, но неподготовленной туда соваться не посмею.

Вприсядку двигаясь за брошенными машинами, перехожу на соседнюю улицу, волк идёт следом, и я завидую его шерсти. Выпрямляюсь в полный рост только после того, как осматриваю улицу с двух сторон. Разглядываю здания и понимаю, что мне нужно оказаться в многоэтажке, точнее, в квартире с окнами, выходящими на школу. Выбираю подходящий дом, достаю пистолет и, хрустя снегом, направляюсь туда. Подхожу к двери и смотрю на волка.

– Будем прикрывать друг друга. Понял?

Или я схожу с ума, или Волк только что кивнул мне.

Медленно толкаю дверь и попадаю в темноту помещения. Достаю из кармана фонарик, узкий, но достаточно яркий луч света прорезает разрушенное пространство. Дом был явно для богачей. Холл просторный, изобилие светлых тонов раздражает глаза. На первом этаже имеется ресепшен, сейчас

он полностью разрушен, кругом грязные засохшие всплески крови. На полу и прилегающих поверхностях пыль толщиной с мизинец. Именно пыль немного расслабляет мои нервы. Тут давно никто не ходил. Волк первым поднимается по лестнице, а я более детально осматриваюсь внизу. Заглядываю за стойку ресепшена и нахожу там останки. В одном я благодарна холоду, который как по мановению волшебной палочки пришел в края, где его никогда не было – теперь вонь от останков практически не чувствуется.

Ищу запасные ключи от квартир, но меня встречает разочарование. Запасной в единственном экземпляре и это магнитная карточка, которая не откроет мне ни одну из дверей. Электричества тут нет.

Возвращаюсь к лестнице и иду по следам волка. На втором этаже ничего интересного не обнаруживаю, практически все двери заперты, кроме трёх, захожу в квартиры и рассматриваю дорогое убранство, которое не помогло ни одной из живших здесь семей. Все мертвы. Живых нет. Если судить по фото в рамках и количеству останков разбросанных вокруг, никто не спасся.

Поднимаюсь дальше, на третьем этаже заперта всего одна квартира, остальные двенадцать разрушены и разграблены. Нахожу подходящее помещение. Эта угловая квартира, и из её окна я могу рассмотреть не только школу, но и подъезд к ней. Идеально.

Целая квартира мне ни к чему, но вот комнату придется

защитить от незваных гостей. Выглядываю в окно, пожарной лестницы нет. Жаль, был бы отличный путь к отступлению. Я уже однажды "вышла" со второго этажа, с третьим мне вряд ли настолько же повезет.

Медленно выхожу из комнаты, которая соответствует моим требованиям, и иду обследовать остальное помещение. Убираю фонарик и двумя руками сжимаю рукоять пистолета. В трёх комнатах и ванной пусто, а вот на кухне разбросаны кости, на окне засохшая кровь, как и на серебристом кухонном гарнитуре. На стене висит портрет девушки в полный рост. Она облачена в дизайнерские шмотки, её широкая улыбка способна осветить всё вокруг, а светлые волосы собраны в идеальный высокий хвост. Красивая... была.

Перевожу взгляд на разбросанные кости и ничего не чувствую. Мне даже не жаль, что девушку постигла такая ужасная смерть. Многим не повезло. И богатым, и бедным.

Я сломалась.

Действительно сломалась. Даже не думала, что есть люди, которые ничего не испытывают. Я больше не чувствую и половины эмоций, которые ещё недавно бурлили во мне, словно закипающая лава. Единственное, что непреклонно со мной, – это холод и боязнь того, что Закари Келлер рано или поздно найдет меня. О, я уверена, что он ищет. Но не меня, вакцину, которую я спрятала ещё сутки назад.

Шорох за спиной даже не заставляет меня вздрогнуть, резко оборачиваюсь и навожу пистолет на дверной проём.

Опасности нет, это волк вернулся.

– Нужно обустроиться, – говорю ему я и убираю пистолет в карман на бедре.

И тут начинается уборка углового помещения. Я выкидываю из нужной комнаты всё, что может помешать мне при побеге. Бесплезная тумбочка, шторы, светильник на высокой ножке. Успокаиваюсь, только когда там остаётся кровать и больше ничего.

Уставшая опускаюсь на единственный интерьер мебели и смотрю на дверь, да, она запирается изнутри, но этого мало. Если мне не посчастливится нарваться на зараженных, я побегу сюда, и тогда эта хрупкая преграда разлетится на мелкие щепки, а меня, вероятнее всего, съедят. Нужно сделать засов или что-то вроде этого. Слава богу, дверь открывается внутрь комнаты, а не наружу.

Поднимаюсь и отправляюсь на поиски нужных инструментов. Молоток, гвозди, доски. Что ещё нужно? Я без понятия, и в квартире блондинки мне ловить нечего. Но я всё же обследую её кухню и нахожу наполовину пустую бутылку виски. Уношу её в комнату, ставлю возле кровати и отправляюсь дальше. Когда я найду Лексу, мы отметим это событие.

Вхожу в соседнюю квартиру, волк остаётся у повисшей на петле двери. Сразу же отправляюсь в ванную, открываю шкаф и достаю увесистый кожаный чемодан. Открываю его и улыбаюсь находке. Инструменты и гвозди. По закрытым ко-

робкам могу судить, что ими никто никогда не пользовался. Закрываю чемодан и возвращаюсь в квартиру блондинки.

Доски найти легче легкого, собираю их прямо в коридоре. И уже через тридцать минут мне удаётся сделать восемь петель, по четыре с каждой стороны, сверху укладываю доски и получается более крепкая защита, чем заводской замок.

Пока я тарабанила молотком по гвоздям, никто не появился. Если бы я не увидела людей в школе, то решила бы, что во всём мире остались только я и волк.

Убираю засовы, прикрываю за собой дверь и обращаюсь к волку:

– А теперь нужно идти к мотоциклу.

Снова достаю пистолет, и мы медленно идём к выходу из здания.

На улице стало немного теплее, спасибо за это солнцу.

Белый настил сверкает ярче звездного неба. Снег – это красиво, но холодно. Проходим три улицы и заворачиваем к парковке у одного из городских учреждений. Мотоцикл я накрыла брошенным брезентом, который стащила с соседнего автомобиля. Скидываю его и снимаю полупустые канистры с топливом. Их нельзя тут оставлять, кто-то да стащит. Поднимаю рюкзак, что валялся у переднего колеса, закидываю его на плечи, беру канистры. К сожалению, пистолет приходится отправить в карман, да и сам мотоцикл я взять не могу. Слишком много шума он создаст.

– Теперь ты на защите, – говорю я волку.

В этот раз он не кивает.

Отправляемся обратно, и я максимально напрягаю слух. Не может быть такого, что в городе никого не осталось. Может, выжившие прячутся где-то? Или их эвакуировали, наличие танков и бронетехники на дорогах говорит о том, что по крайней мере власти старались это сделать.

Да плевать на людей, что стало с зараженными? Они-то где?

Возвращаемся без происшествий, и меня это уже напрягает. Не может быть так спокойно. Канистры и рюкзак заношу в комнату, так же забираю стул из кухни и ставлю его у окна.

– Волк? – зову я друга.

Куда он делся?

Осматриваю квартиру, но не нахожу его. Все три дня он куда-то уходит. Думаю, Волк добывает себе еду. Или друзей ищет. Но каждый раз я боюсь, что он не вернется, и я останусь совсем одна. Я и так наполовину морально покалечена, но если с Волком что-то случится, и он исчезнет из моей жизни я сломаюсь окончательно.

Оставляю дверь приоткрытой, сажусь на стул, укладываю пистолет на подоконник и наблюдаю за школой.

Лекса там. Я почти уверена. Во-первых, полковнику не было смысла лгать. Во-вторых, я чувствую, что она там. Есть ведь материнский инстинкт, невидимая связь между близнецами, может, существует и сестринская связь? Может, Лексе и вовсе не нужно спасение, но именно мысли о нём застав-

ляют меня что-то делать.

Всегда нужна цель. И моя на данный момент времени – найти Лексу и залечь на дно. Может, через пару-тройку лет Закари перестанет меня искать?

Около двух часов я провожу в ожидании чего-то. Какого-то знака.

Всё тихо.

Слишком тихо, что они вообще там делают? Вспоминаю фанатиков в странных балахонах, сшитых из детских вещей, и становится жутко. Эти люди поехали головой, и просто выторговать сестру у них я не смогу. Даже за вакцину. И главный у них Барон. Кто в трезвом уме назовет себя Бароном? Фанат Мюнхгаузена?

Меня клонит в сон, а ведь даже солнце ещё не село. Эти три дня я практически не спала. Урывками в брошенных машинах, на заднем сиденье вместе с волком.

А вот и он. Оборачиваюсь к двери и наблюдаю, как в комнату входит Волк, щель я оставила слишком маленькую, и от габаритов его тела она раскрывается ещё сильнее. В пасти моего единственного друга добыча. С серой шерсти капает кровь и марает и без того грязный пол.

– Боже, Волк, кто это?

Зверь подходит ко мне и опускает добычу прямо у моих ног. Это не кролик, как я подумала ранее, это кошка.

– Спасибо, но я не буду.

Отхожу от окна и отправляюсь к двери, запираю все воз-

можные запоры и падаю на кровать, укутываюсь в одеяла, прячу пистолет под соседнюю подушку. Меня моментально уносит в сон, я слышу всего лишь два хруста костей несчастной серой кошки.

Просыпаюсь ночью. Разлепляю веки и быстро шарю под подушкой, нащупываю пистолет и поднимаюсь с кровати. Внутри стало холоднее, облачко пара вырывается изо рта. За окном светит полная луна. Медленно иду к двери, у которой, наострив уши, стоит Волк.

Моментально забываю о сне... за дверью кто-то есть.

Определенно различаю шаги. Тихие и осторожные. Опускаю одну руку на голову волка, иначе он может наделать шуму.

Шаги затихают прямо напротив двери. В голове всплывают слова Зака: "Отойди с линии огня". Я словно слышу его голос и даже вздрагиваю от этого. Присаживаюсь на одно колено, если там кто-то вооруженный, то мне может не поздоровиться.

Сердце отбивает ритм танго.

Ручка начинает шевелиться.

Медленно и плавно опускается вниз.

Убираю ладонь с головы волка и берусь за пистолет двумя руками. Поднимаю дуло. Скорее всего на этом расстоянии находится голова. Но это может быть не опасный человек, кто-то ищет убежища. Опускаю пистолет туда, где скорее всего находятся ноги.

Снимаю предохранитель, и щелчок выходит слишком громким.

А потом тишина.

Незнакомец за дверью тоже слышал характерный звук оружия.

Чёрт!

– Александрия Брукс? – спрашивает голос за дверью.

И я узнаю его. Прихвостень полковника. Мерзопакостный Логан. За всё время я слышала от него не больше пары фраз, но этот тяжелый утробный голос не спутаю ни с чем другим.

Он дергает дверь, но она не поддается.

– Я знаю, что ты там, волчьи следы ведут прямо до двери.

Косо смотрю на волка и тут же возвращаю внимание на преграду в виде двери.

Встаю у стены и прижимаюсь к ней спиной.

– Что тебе тут нужно? – спрашиваю я.

– Открой дверь.

– Может, мне ещё станцевать?

– Это лишнее. Меня послала полковник.

Вот уж не ожидала.

– Зачем?

Тишина длится слишком долго.

– Если я начну выбивать дверь, то сюда сбегутся зараженные, – говорит Логан.

– Их нет.

– Есть, я видел уже троих, и это только за сегодня.

С сожалением смотрю на свои изобретения в виде засовов, опускаю пистолет. Зараженные опаснее Логана и их может быть куда больше, чем я смогу убить.

– Ты один?

– Да.

– Отойди от двери, оружие оставь за порогом. Всё оружие.

Слышу копошения в соседней комнате, а потом короткое:

– Готово.

Сначала снимаю доски, потом отпираю дверь. Распахиваю её и направляю пистолет четко в голову Логана. Мужчина стоит совершенно без эмоций. Его форма в крови, несколько капель красуются на лице. Капли настолько крупные, что даже в слабом свете луны из окна я это отчетливо вижу. Бросаю взгляд на оружие. Несколько пистолетов, автомат, ножи и звездочки, всё лежит в метре от ног незваного гостя.

– Входи, – говорю я и сторонюсь от его огромной фигуры.

Если он будет внутри, у меня появится возможность побега. Но все припасы и оставшееся топливо внутри комнаты. Чёрт!

Логан входит, его руки всё так же подняты. Волк не отходит от меня, я чувствую его тепло правым бедром, к которому он прислоняется.

– Зачем ты здесь?

– Полковник хочет, чтобы ты вернулась.

Какого хрена?

– Для чего?

– Это мне неизвестно.

Логан быстро осматривает помещение и возвращает взгляд на меня.

– Это не входит в мои планы, – произношу я.

Волк беспокойно ходит у моих ног. Полумрак комнаты придаёт больше жути, чем хотелось бы. Твердо держу пистолет и говорю:

– Я не вернусь, полковник знает для чего я тут. Она сама меня отпустила, я не сбегала.

Логан кивает и поворачивается в сторону выхода.

Так просто?

Мужчина делает пару шагов, наклоняется и бросается в мою сторону.

На один удар сердца происходит слишком много действий. Я спускаю курок, пуля вылетает, но проходит над головой противника. Логан сбивает меня, и мы вместе падаем на пол. Больно ударяюсь спиной, пистолет куда-то улетает. Волк бросается на мужчину и впивается клыками ему в руку. Стараюсь оттолкнуть от себя противника, но он словно не обращает внимания на мои попытки сдвинуть махину, и на волка, который уже пустил кровь по руке Логана.

Логан смыкает пальцы у меня на шее и сдавливают. Комната заполняется хрипами, рычанием волка и звуками возни. Перестаю отталкивать Логана и на мгновение расслабляю тело, прикрываю глаза. Практически сразу же Логан отпускает меня, но по-прежнему сидит на моих бедрах, мужчина тя-

нется свободной рукой назад и достаёт нож, в это время моя правая рука нащупывает горлышко бутылки виски, которое осталось у кровати.

Мы одновременно замахиваемся. Я на Логана, он на Волка. Но я оказываюсь быстрее, бью по голове. Логан кричит и матерится, на меня летят осколки стекла и брызги алкоголя.

– Волк, отпусти, – хриплю я, и друг послушно оставляет руку Логана.

Стараюсь скинуть его с себя, но на мгновение перед глазами мелькает лезвие, он хочет причинить вред Волку.

Ну уж нет.

Моя рука по-прежнему сжимает горлышко разбитой бутылки. Замахиваюсь, и с криком втыкаю его прямо в горло Логана. Нож со звяканьем падает на пол, на меня течет теплая кровь, вынимаю осколок, и Логан падает на меня. С трудом выбираюсь из-под мужчины, отползаю к кровати, прижимаю к себе колени и наблюдаю за тем, как Логан пытается зажать рану на шее, но, видимо, я перерезала что-то жизненно важное, кровь быстрым потоком заливает всё вокруг. Не проходит и тридцати секунд, как попытки Логана спасти себя прекращаются.

Волк подходит ко мне и тычется носом в плечо, опускаю руку ему на голову и так мы сидим около часа.

Я убила человека. Снова...

Но я не чувствую того, что должна бы. Сожаления и ужаса, которые обуяли меня там, на парковке, когда я принесла в

жертву своей жизни существование другого человека.

Тогда я была более человеческой.

Сейчас всё изменилось.

Логан, именно он тогда привел маму в кабинет полковника. Но не он её убил.

Посторонний звук разносится из кучи оружия, которое Логан скинул при входе в комнату.

Волк первым отправляется туда, я следом за ним. На самом верху горки лежит рация. Поднимаю её и зажимаю канал приёма связи.

– Логан, – слышу я голос полковника.

Утираю с лица потоки крови, подношу рацию к губам.

– Здравствуйте, полковник.

– Александрия, ты добровольно решила вернуться? Умно с твоей стороны.

Бросаю взгляд в комнату на ноги Логана.

– Я бы так не сказала.

На какое-то время полковник берет паузу. Отворачиваюсь от бездвижных ног и сама вступаю в разговор.

– Зачем я вам нужна? Вы меня отпустили.

– Ты нужна Закари, значит, нужна и мне. Вернись на базу и мы обсудим условия сотрудничества.

Позволяю себе смешок.

– Поздравляю вас, – говорю я сквозь печальную улыбку.

– С чем?

– Возможно, с первым поражением в вашей жизни. Я не

нужна Закари, вы только что зря потеряли своего самого верного пса в лице Логана. Не ищите меня.

Хочу отбросить рацию, но следующий вопрос заставляет не делать этого.

– Зейн с тобой?

Теперь я беру паузу.

– Почему вы так решили? – напряженно спрашиваю я.

Она не отвечает на мой вопрос.

– Передай ему, что на базе номер восемь его больше никто не ждёт.

Полковник обрубает связь. Смотрю на черный предмет как на нечто ядовитое.

При чём тут Зейн? Что он сделал, что мать отказалась от него? Хотя язык с трудом поворачивается, чтобы назвать это существо матерью.

Меня это не касается.

Семья Келлер больше меня не интересуется.

Наблюдаю, как волк ходит вокруг тела Логана, я же опускаюсь к куче оружия и собираю всё. Это мне точно пригодится. Логан сказал, что видел зараженных. Значит, я везунчик, ведь уже на протяжении трех дней мне удавалось избегать их общества.

Складываю оружие у кровати, подхожу к окну и хмурюсь.

Благодаря снегу и полной луне я вижу, как со стороны школы идут двое. Мужчина и женщина. Они держатся за руки и быстро приближаются к воротам. Мужчина отпирает

их, и они бегом несутся в сторону ближайшего здания, входят внутрь. Примерно через сорок минут они возвращаются в школу.

Интересно.

Бросаю взгляд на волка, который так и кружит возле Логана. Кровь растеклась даже под кровать, но меня это не смущает. Подхожу к Логану, беру его за ноги и, приложив максимум усилий, тащу тело прочь от моей кровати. Спать в одной комнате с трупом я не планирую.

Волк помогает мне, впивается зубами в штанину, и мы вдвоём вытаскиваем тело в коридор. Проверяю карманы Логана, нахожу ещё две обоймы для пистолета, три ножа и тонкую, но прочную нить, в длину она около сорока сантиметров, с двух концов деревянные ручки. Удавка. Если приглядеться к потертостям на ручках, то можно понять, Логан любил эту вещь и часто ею пользовался. Забираю всё, что нашла, в том числе и рюкзак, который я сразу не заметила. Он стоял у входа в квартиру блондинки. Запыхавшись, возвращаюсь в комнату, скидываю одно из одеял на пол, прикрыв этим способом кровь и осколки, запираю дверь и ложусь. Волк устраивается у моих ног.

Я не сплю ещё в течение часа, рассуждая о полковнике. Предпримет ли она очередную попытку найти меня? Думаю о парочке из школы и о Волке, который в очередной раз спасал меня несмотря ни на что. Опускаю руку волку на голову. Он рядом, всё хорошо.

Глава вторая

– Ни одного следа, словно сквозь землю провалилась, – напоминает Нео, стоя в кабинете Закари. – Может, стоит прекратить её искать?

Закари поднимает взгляд от бумаг, лежащих перед ним, и тяжело смотрит на Нео.

– Я ищу не её. Мне нужна вакцина.

Рэнли развалился на стуле и, приподняв брови, спрашивает:

– Так ли?

Взгляды друзей тут же переключаются на него, и он добавляет:

– Я просто предположил, и вообще хотел мысленно спросить, слова сами выскочили.

– Осторожнее со словами...

Нео не договаривает, его прерывает сам Рэнли.

– Да знаю я. Бытует такое мнение, что я могу сболтнуть лишнего.

Зак снова переключается на бумаги. Отчет один и тот же. Алекс нигде нет. Его люди уже прочесали три ближайших города, но так и не нашли ничего, что бы могло привести его к вакцине. Алекс словно испарилась.

– Но мы нашли восемнадцать выживших, – напоминает Нео, чтобы сгладить углы.

– Восемнадцать лишних ртов, – произносит Рэнли.

Стоит друзьям посмотреть на него, как он смыкает губы в тонкую линию, двумя пальцами закрывает замок и, замахнувшись, выкидывает ключ.

Настойчивый стук в дверь заставляет всех перевести внимание от Рэнли.

– Войдите, – говорит Зак.

Дверь открывается, и он видит запыхавшегося постового.

– Закари, ваша сестра прибыла.

В одну секунду происходит несколько вещей. На лице Закари расцветает скупая улыбка, он кивает постовому, но ментально напрягается. Что-то не так. Ребекка не предупредила, и она одна. Где отец? Нео приподнимает брови, что уже является огромной степенью его удивления, а вот Рэнли практически падает со стула, его глаза расширяются, он с трудом ловит равновесие и быстро поднимается на ноги. Все краски сходят с лица весельчака. Никто даже не подозревает, что их говорливый друг готов сбежать из кабинета поджав хвост.

– Проводи её сюда, – распоряжается Зак и закрывает папку.

– Уже...

Постовой сторонится, и в кабинет Закари, словно фурия, влетает его младшая сестра Ребекка. Черные как ночь волосы отросли уже до самой поясницы, голубые глаза подведены черными тенями так, что кажутся сверкающими драгоцен-

ными камнями, на губах красуется светлая помада. Её шуба запорошена снегом, а щеки заалели от мороза.

Стоит брату увидеть сестру, он тут же поднимается с места и сокращает расстояние между ними.

– Зак, – вскрикивает она и обнимает брата так крепко, как никогда раньше.

Ребекка отстраняется и, смотря на Зака, поднимает холодную ладонь к его лицу, проводит у правого глаза пальцами и говорит:

– У тебя уже морщинки стали появляться. Нужно больше отдыхать.

Зак улыбается сестре и старается делать вид, что не замечает, как его друг Рэнли, опешив, стоит на месте и глазеет на спину его сестры. А Рэнли в это время мысленно переносит в прошлое и снова проживает моменты, которые связывают его с Ребеккой. О которых не знает никто, кроме них.

А она изменилась. Повзрослела и превратилась в настоящую красавицу. Но Закари достаточно хорошо знает свою сестру и видит, что за милой улыбкой стоит тревожность и даже страх.

– Рэнли, убери глаза, – всё же говорит Зак.

– Рэнли? – переспрашивает Ребекка и оборачивается.

На мгновение в кабинете повисает тишина.

– Ты ещё жив? – спрашивает Ребекка. – Я думала, уже подхватил какую-нибудь гонорею и...

– Я тоже рад тебя видеть, – придя в себя произносит Рэн-

ли.

В кабинете начинает потрескивать воздух, словно пересе-
ченные взгляды Ребекки и Рэнли могут разжечь настоящее
пламя.

– Я этого не говорила, – с улыбкой отвечает Ребекка, она
переводит взгляд на Нео. – Нео, вот тебя я рада видеть.

– Взаимно, – отвечает Нео, быстро переведя взгляд на
Рэнли.

– А теперь, господа, я попрошу оставить меня наедине с
братом, у меня к нему суперсекретное послание.

Нео и Рэнли уходят, но последний всё же оборачивается
и бросает на Ребекку красноречивый взгляд.

Закари опускается за стол, а его сестра скидывает с себя
шубу и садится напротив.

– Я очень скучала, – говорит она, грея замёрзшие руки.

– Я тоже. Как там отец?

Ребекка осматривается по сторонам и, убедившись, что
они точно одни, перестаёт улыбаться и тихо произносит:

– Приболел. Именно так он это называет.

От веселости сестры не остается и следа. В глазах Ребекки
появляется характерный блеск, слезы достаточно близко.

– Насколько всё серьезно? – спрашивает брат.

– Он... Зак, он не выживет.

– Что случилось?

– Его предали. Доктор думает, что отравили. Но я расска-
жу всё по порядку. Мы с отцом всё это время были на ост-

рове, где разрабатывалось новое, совершенное и беспрецедентное место. Если говорить банальным языком, то это город на острове, который непригоден для жизни, но находится у всех на виду. Был непригоден, – тараторит Ребекка.

– Ещё одна военная база?

– Что-то между военной базой, тюрьмой и развлекательным центром для богачей.

– Если ты решила объяснить, то у тебя это не выходит.

Первая слеза скатывается по лицу Ребекки, но она берет себя в руки и, собравшись с мыслями, пытается объяснить не сумбурно.

– Военная база, хорошо, будем называть её так. Но на базе тридцать процентов ученых, которые создают новых людей. Типа овечки Долли.

– Выращивают новых людей? – не понимает Закари.

– Клонирование, – более тихо произносит Ребекка.

– Оно запрещено, начиная ещё с 2002 года, – напоминает Зак, хотя знает, что в большинстве случаев запрет нарушается самими же властями.

Ребекка смахивает вторую слезинку и, печально улыбнувшись, говорит:

– Кража, хищение, покушения, убийства и ещё куча всего остального тоже под запретом, но это не мешает людям переступать черту закона. В этот раз эту черту переступили люди, которые и пишут эти самые законы.

Около минуты Закари раздумывает над словами сестры.

У него нет причин не доверять ей.

– При чем тут развлекательный центр? – спрашивает он.

– При том, что раньше, до того, как пришел туман, сильные мира сего прибывали туда как на какую-то распродажу. Они покупали себе... людей.

– При чем здесь отец?

– Он один из инвесторов.

Пару мгновений брат с сестрой молча смотрят друг на друга.

– Первоначальная цель базы?

– Выращивать клонов на органы. Сейчас на них проводят эксперименты. Ты не поверишь, как только их не пытались заразить. Всё впустую. У них нет иммунитета, они просто другие. Не такие, как мы. Они не могут заразиться, но из их биоматериалов невозможно сделать вакцину. На одном из собраний наш отец высказал теорию, что скорее всего эти люди – те, которых вырастили на убой, и останутся на планете. Он предложил обучить их всему. Дать им знания. На следующий день было голосование. Отец проиграл со счетом десять против двух.

– Кто был вторым?

– Майор Киприан. Он-то и помог мне слинять оттуда и приехать к тебе. Они будут меня искать, скорее всего уже ищут, но кроме майора и двоих его людей, никто не знает, куда я делась.

– Ты видела клонов?

Ребекка отрицательно качает головой. Тяжело вздыхает и устало проводит руками по лицу.

– Нет. Я всего этого вообще не должна была знать. Да и узнала только три месяца назад. Отец знал, что в итоге не выберется из лаборатории и только из-за этого стал рассказывать мне всё это. Эти люди, они не просто клоны. Им не нужно расти так как это происходит в природе. Всего за десять лет, с помощью каких-то препаратов, ученые способны вырастить совершенно взрослого человека. Я точно не знаю как это происходит, но факт остаётся фактом.

– Из-за этого его отравили?

– Не только. Всё, что происходит на острове, находится в тени знаний президента. Отец пытался донести до него информацию, это и стало причиной его конца. Но об этом позже, я с дороги и мне нужна комната и душ, и еда, и ещё сон. Зак, папа сказал мне бежать и передал это, он уже был на грани смерти.

– Ты правильно сделала.

– Не думаю. Но он не оставил мне выбора. Сказал, что если данные не попадут к тебе, то рано или поздно все на планете превратятся в зомби. Человечество как вид вымрет уже через три поколения. Папа так верит, что именно эти клоны наше спасение... По его словам, большую часть жизни он посвятил этим клонам. Опыты проводились ещё до 2002 года.

– В каком состоянии был отец, когда ты в последний раз

его видела?

– В ужасном. Сегодня-завтра его не станет.

Зак кивает. Тяжесть ложится на его плечи. Если не станет отца, то вся ответственность за базу будет только на нём. Закари внимательно смотрит на сестру, та с трудом сдерживает слезы. Она хочет побыть одна. Ребекка взбалмошна и очень нетерпелива, об этом она и сама прекрасно знает, но сейчас, рассказав обо всём брату, выполнив последнюю просьбу отца, она хочет оказаться наедине с собой и просто поплакать. Она делает это редко, но сейчас не в силах сдерживать себя.

Закари связывается с Нео:

– Распорядись, чтобы комнату Алекс обустроили для Ребекки.

– Есть.

Зак отставляет рацию, сестра бросает на него взгляд.

– Кто такая Алекс?

– Ошибка, не более, – тут же произносит Зак.

Брат с сестрой разговаривают ещё около тридцати минут. Потом приходит Нео и забирает Ребекку.

В течение всего дня Закари думает о том, что ему рассказала сестра. Он отправляется на стройку и разглядывая стену, понимает, это нужно закончить как можно скорее. Люди и так работают на пределе своих возможностей. Значит, границы их предела стоит раздвинуть. Закари посещает медицинский блок и получает от Лейзенберга очередной отрицательный ответ, все восемнадцать найденных людей не явля-

ются даже на сотую долю столь же уникальными, как умершая Роберта с базы номер восемь.

На закате временный глава базы номер девять входит в свою комнату, именно в это время на другом конце страны его отец выпускает последний вздох. Уже на следующий день на девятку прилетает вертолет с посланием о смерти мистера Родрика Келлера.

В кабинете Закари собираются Ребекка, Рэнли и Нео. Вчетвером они рассуждают о дальнейших действиях. Закари приглашают на закрытую базу у Статуи Свободы, там ему передадут тело отца. Но все в кабинете знают, что не только для этого его туда приглашают. А вот для чего именно? Ответ на этот вопрос можно узнать только отправившись туда.

– Ты не можешь поехать, – говорит Ребекка, расхаживая по кабинету, словно заведенная. Она старается сдержать слезы по смерти отца, но девушка не в силах справиться с этим.

Рэнли стоит у двери и украдкой бросает взгляды на сестру друга, никто даже не подозревает, каково его желание утешить Ребекку, но он знает одно, она не позволит ему даже прикоснуться к себе, а Закари скорее открутит ему яйца за попытку это сделать.

Нео сидит на стуле и рассматривает свои руки, словно там сокрыт ответ, решение. Нео в растерянности. Если с Заком что-то случится, то Гарсия сразу же предпримет попытки к нападению. Больше всего Нео опасается не удержать базу пока Зака не будет.

– Я должен, – говорит Закари и убирает письмо, пропитанное ложью, в отремонтированный ящик стола.

– Нет!

Ребекка останавливается в центре кабинета и упирает руки в бока.

– Я и так потеряла слишком многое. Наша семья развалилась, папа умер, Зейн с мамой, о них я вообще ничего не знаю. А сейчас и ты?

– Я вернусь, – уверенно говорит Зак. – Ни к чему истерики, Ребекка.

– Ты не вернешься, – шепчет она, и её подбородок начинает дрожать.

– Твоя вера в меня оставляет желать лучшего.

По кабинету расходится напряженная тишина. Чтобы хоть как-то утешить сестру Зак произносит:

– У меня есть козырь.

– Какой? – спрашивает Нео.

– На то он и козырь, чтобы им воспользоваться в финале игры.

Ребекка начинает злиться ещё больше, и сейчас она как никогда похожа на Зейна. Девушка подходит к столу, упирается руками в прохладную поверхность и шепчет.

– Это не игра.

– Ошибаешься. Обычная политическая игра. Этот кон будет за нами.

Закари бросает взгляд на Нео.

– Ты останешься за старшего. Поиски вакцины не прекращать ни на мгновение. Стена должна строиться в усиленном режиме, выведи туда больше людей и ещё больше охраны.

– Понял, – говорит Нео, выпрямив спину максимально ровно.

– Рэнли, твоя задача – тренировка. Всё, как и всегда. Присутствие Ребекки не должно сбить тебя с толку.

Рэнли кивает, но всё же бросает печальный взгляд на профиль Ребекки.

– Понял.

– Всё остальное я распишу вам. А теперь оставьте нас.

Нео и Рэнли уходят. Зак поднимается из-за стола и подходит к Ребекке, обнимает её, как делал это в детстве. Она тут же ударяется в рыдания. Закари понимает, насколько сильно скорбит сестра. Она всегда была папиной дочкой, а теперь папы нет. Из всех детей Родрика ей придется сложнее всех.

– Ты справишься, – говорит он ей и продолжает обнимать, пока слезы не прекращаются.

– Обещай вернуться, – молит она.

Ребекка поднимает заплаканное лицо. Нос покраснел, глаза тоже, ресницы слиплись, а губа продолжает дрожать.

– Я вернусь.

Зак отходит от сестры, достаёт бутылку виски и два бокала. Наливает напиток и подает один сестре. Она выпивает маленький глоток, собирается поставить бокал на стол, но Зак отрицательно качает головой. Ребекка допивает и мор-

щится от горечи.

– А сейчас иди спать. Тебе нужен сон.

Ребекка сдается, она тоже достаточно знает старшего брата и понимает – его не переубедить. Целует Зака в щеку и уходит чтобы сломать голову от мыслей о своей разбитой на множество осколков семье.

Закари опускается на край стола и отпивает глоток виски. Он безмолвно провожает главу семейства Келлер. Вспоминает, что несмотря на военное воспитание, его отец был одним из лучших родителей в мире. Возможно, вселенная уравнивала весы и дала их семье отвратительную мать, которая может только разрушать, в противовес замечательно-му отцу.

Сидя и попивая виски, Зак даже не подозревает, что новости, которые он скоро узнает, перевернут всё вверх дном. Внесут ещё большего хаоса в его жизнь.

Настойчивый стук в дверь возвращает Зака из детских и подростковых воспоминаний. Келлер смотрит на часы, время уже двенадцать.

– Войдите.

Как только слова растворяются в воздухе, дверь открывается, и в кабинет входит Герда. Закари отодвигает стакан, смотря на девушку непроницаемым взглядом.

– Герда, не сегодня.

– Сегодня, – говорит она и складывает руки на груди. – Теперь ты поселил новую страсть в комнате старой?

Теперь Зак смотрит на неё по-другому. С чего бы это Герда стала ему перечить? Задавать вопросы вообще не в её природе. Закари не настроен на долгий диалог поэтому сразу расставляет всё по своим местам.

– Это моя сестра – Ребекка.

Герда хмурит брови. Она никогда не видела Ребекку, да и Зак не распространялся о ней. Если говорить начистоту, то Герда и Зак вообще мало говорили друг с другом в основном были заняты другим делом.

– Я пришла поговорить.

– Слушаю.

На мгновение, всего на одну крошечную секунду в глазах Герды мелькает неуверенность, но она быстро берет себя в руки, немного вскидывает подбородок и говорит:

– Я беременна.

Внешне Зак не меняется в лице, но вот внутри у него проносится торнадо. Он вспоминает совершенно другую девушку, которая однажды сказала ему эти же слова. Тогда всё было иначе. Они оба улыбались и светились от счастливой новости. Мир предлагал им беззаботную и долгую совместную жизнь. А сейчас...

Закари наливает виски ещё на один глоток.

– Уверена? – спрашивает он.

– Вполне.

Зак не сомневается в отцовстве, он знает, что Герда бы не посмела переспать с другим, а если бы и решилась, то он

узнал бы об этом ещё до конца соития. Он выпивает виски, но не чувствует горечи.

– Идём, – говорит Зак и направляется к двери.

– Куда?

Он не отвечает, берет Герду за руку и ведет вон из кабинета, потом к лифту, а дальше в кабинет Лейзенберга.

– Я же сказала, что уверена.

– Отлично, а теперь я должен быть уверен.

Доктор вздрагивает, когда дверь его кабинета распахивается и ударяется о стену.

– Мистер Келлер? – удивляется доктор. Только искусственный глаз старика остаётся недвижим, доктор моментально начинает приводить в порядок хаос на столе.

– Нужно установить беременна она или нет.

Руки Лейзенберга замирают, так и не положив одну из папок в кривую стопку справа на столе.

– Я вам не акушерка.

Зак бросает на доктора такой взгляд, что тот соскакивает со стула и начинает пятиться.

– Если я скажу, что отныне ты акушерка, значит, так и будет.

Заку сейчас не до выяснений отношений ещё и с доктором. Ему как можно быстрее нужно узнать, говорит ли Герда правду.

– Я понял, – отвечает Лейзенберг.

Доктор вылетает из кабинета и через пару минут возвра-

щается с аппаратом узи, старик еле катит его, но не останавливается, пока аппарат не встает рядом с кушеткой, на которой уже расположилась недовольная Герда. На этой же кушетке совсем недавно сидела Алекс, Закари не знает к чему вспомнил об этом именно сейчас.

Ещё пару минут доктор подключает аппарат, потом приступает к узи, сделав при этом все нужные манипуляции.

– Я не профессионал в этом, – начинает доктор, – но молодая мисс точно беременна, – говорит док, и Закари прикрывает глаза и глубоко вдыхает носом.

Всего за один удар сердца его жизнь становится шаткой.

– Выясни, кто на базе самый квалифицированный гинеколог и завтра же сопроводи Герду к нему. Будь рядом всё время. Понял?

– Хорошо, мистер Келлер.

Герда соскакивает с кушетки, вытирает живот салфеткой, которую ей подал Лейзенберг и метает глазами молнии в Закари.

– Мог бы быть и повежливее. Я сказала это тебе к сведению, мне от тебя ничего не...

– Лейзенберг, вон!

Доктор ретируется с такой скоростью, что молодые позавидовали бы. Герда моментально притихает.

– Завтра ты пойдешь к врачу, будешь делать всё, что он велит...

Впервые в жизни Герда позволяет себе перебить Закари.

Девушке кажется, что теперь она может манипулировать им.

– Я пойду к доктору, когда сама посчитаю нужным.

Закари старается держаться в рамках, но с каждым разом, когда Герда открывает рот, ему становится сложнее сохранять терпение.

– И вообще я могу избавиться от ребенка...

После этих слов Закари слетает с катушек, он сильно хватается Герду за руку и подтаскивает к себе максимально близко, Зак нависает над ней и сквозь зубы говорит.

– Не смей. Никогда не смей... так говорить.

– Зак, мне больно.

– Не смей угрожать моему ребенку. У тебя есть выбор. Либо ты становишься хорошей матерью, и у тебя будет всё, что ещё только может предложить этот мир. Или же ты можешь ещё раз подумать о том, чтобы навредить моему ребенку, и я прикую тебя наручниками к кровати. Тебя будут кормить и поить, осматривать врачи и медсестры, а после родов я отправлю тебя за стену.

– Мне больно.

– Будь умнее, Герда...

В глазах Герды сверкают слезы. Она никогда не боялась Закари так сильно как в данную минуту. Сейчас перед ней стоит дьявол в человеческом обликии. По его глазам она видит – Зак не шутит. Каждое произнесенное им слово – абсолютная правда.

– Выбор за тобой, – спокойно говорит Закари.

– Я не пойду за стену, – сквозь слезы пищит девушка, и только тогда Зак отпускает её руку, на которой моментально проявляются синяки.

Зак уходит, оставляет Герду ронять горькие слезы и мысленно проклинать отца её будущего ребенка.

Глава третья

Кажется, тело Логана начинает вонять. Оно никуда не делось и уже два дня лежит в коридоре третьего этажа. Я к нему больше прикасаться не собираюсь, да и вообще сомневаюсь, что надолго тут задержусь.

Наблюдения за школой показали, что парочка выходит раз в сутки. Они, словно воры, крадутся под покровом темноты, среди ночи и направляются по каким-то делам.

Они – это мой шанс.

Больше нельзя медлить.

Разбираю рюкзак и оставляю там только самое необходимое. Патроны, веревку, наручники, я даже не помню, как закинула их, когда экстренно линяла с восьмерки. Ключа у меня нет, так что наручники это на самый крайний случай.

Отправляюсь к шкафу, нахожу там вещи блондинки, стуча зубами переодеваюсь. Теплые лосины, за эту вещь гардероба моя отдельная благодарность отправляется останкам на кухне. Сверху натягиваю свои штаны с карманами, тёплую кофту с капюшоном, куртку и кепку.

Возвращаюсь к окну и открываю консервную банку с какими-то бобами. Уплетаю еду, не чувствуя вкуса, и не свожу взгляда с двери школы. Вот она открывается, и оттуда бегут всё те же девушка и парень.

Слежу, куда они отправляются, и как только за их спинами

закрывается дверь, бросаю взгляд на волка.

– Ну что, друг, наш отдых закончен.

Поднимаюсь со стула, прячу два ножа в ботинки, один на бедре брюк, в карман куртки аккуратно укладываю круглую гранату. На мгновение сомневаюсь, стоит ли её брать. Я словно на войну собираюсь, но внутри нет дикого ужаса, который я бы должна испытывать.

Закидываю рюкзак на плечо и выхожу прочь из комнаты. Прикрываю за собой дверь и как можно бесшумнее спускаюсь в фойе, волк следует по пятам. Выхожу в морозную ночь и быстрыми перебежками приближаюсь к нужному зданию.

Хруст снега под ногами напрягает. Внимательно смотрю по сторонам, в любой момент могут появиться зараженные или люди. Не знаю, что из этого будет хуже. Волк убегает вперед и останавливается напротив нужной нам двери. Порой кажется, что мой новый друг умнее многих людей.

Держу пистолет наготове, бедром толкаю дверь, она протяжно скрипит, и я морщусь от предательского звука. Выжидаю около минуты, никто не появляется.

Вхожу в фойе, идентичное тому, что находится в моем временном убежище, и слышу характерные звуки. Достаю фонарик и держу его прямо над пистолетом. Двигаясь в их направлении, прохожу вглубь первого этажа. Вторая квартира слева. Именно оттуда разносятся стоны блаженства девушки и пыхтения мужчины. Так вот для чего они бегают из школы? Сексом решили позаниматься, да ещё и с опре-

деленной регулярностью? Как глупо подвергать себя опасности из-за минутного счастья.

Мой мозг – проклятый предатель. В голове рисуется картина – полумрак комнаты Зака, он и я, голые и счастливые. Я ощущала себя нужной и счастливой, а вот он – нет. Келлер просто выжидал момента, когда я расскажу ему причину нахождения на девятке. А я дура подумала, что всё взаимно... что всё по-настоящему.

Тогда я была счастлива в последний раз. И если признаться себе, то больше подобного испытывать не желаю.

Слишком страшно было падать моим мечтам и надеждам.

Моей влюбленности было безумно больно.

Гордости было мерзко от меня самой.

Самолюбие вообще отказалось от глупой Алекс, которая верила, что достойна счастья. А потом все чувства притихли. Словно их кто-то заглушил. И я хочу, чтобы все осталось именно так. Холодная голова, здравый рассудок и ни капли сожаления.

Удача явно на моей стороне. Входная дверь в квартиру открыта, ручку с замком кто-то с безжалостностью вырвал. Следы вандализма валяются прямо в коридоре. Приоткрываю дверь и оказываюсь в полумраке, огромный коридор, а в конце окно в пол, и оно не разбито, но пропускает достаточно лунного света.

Продолжаю движение на звук, волк идет со мной нога об ногу, я чувствую его бок своим бедром. Если он не переста-

нет расти в ближайшее время, то скоро обгонит меня, в весе уж точно.

Маленькая щель из спальни даёт рассмотреть мне картину соития беглецов. Девушка лежит на спине, её руки вцепились в решетчатую дужку кровати, она абсолютно голая и потная. Мужчина трудится над ней, но он даже не удосужился снять штаны, они так и остались лежать на его ботинках грудой белья.

Не хотелось бы прерывать любовников, но сейчас я их точно смогу смутить и сбить с толку. Убираю фонарик в карман, толкаю дверь и навожу пистолет четко даме между глаз.

Она замечает меня и моментально начинает визжать. Так громко, что я готова зажать уши.

– Нелли? – спрашивает мужчина, продолжая свои движения. – Да, детка.

Он думает, что она закричала от его усилий? Я бы закатила глаза, но не стану отвлекаться ни на мгновение.

Чувствую присутствие волка за спиной и это придаёт уверенности.

– Вынь член из детки и отойди к стене.

Мой голос заставляет горе-любовника остановиться. Он дергается назад и опускается вниз, чтобы натянуть штаны, при этом не сводит с меня испуганного взгляда.

Эффектно я появилась.

– Не стоит, – говорю ему я. – К стене, руки вверх.

Мужчина растерян, но продолжает тянуться к штанам.

– Я сказала, оставь штаны в покое. Волк!

Рычание из-за спины ровное и тихое, но даже у меня от него бегут мурашки по рукам.

Девушка ещё раз взвизгивает и пытается укутаться в тряпки, на которых они занимались сексом.

Мужчина прекращает попытки надеть штаны и пятится к стене выставив перед собой ладони.

– Кто ты такая? – спрашивает Нелли.

– Это неважно, – отвечаю я. – Меня интересует школа.

Парочка переглядывается между собой, и тут в разговор вступает мужчина. Перевожу на него внимание и против воли опускаю взгляд туда, где в ужасе склонил свою голову его детородный орган. Стресс возбуждению не поспособствовал.

– Я могу надеть штаны?

– Трусы, – разрешаю я, пока мужчина не отморозил себе самое ценное.

Натягивая черные боксеры, он говорит:

– Школа через дорогу.

– Я знаю. Мне нужна информация о том, сколько там людей, вооружены ли они и есть ли там определенная девушка с ребенком?

Парочка ещё раз переглядывается, и я вижу панику в глазах каждого из них.

Мне это не нравится. Обращаю всё своё внимание на девушку и спрашиваю:

– Нелли? Скажи мне, сколько внутри людей?

– Сейчас? – пищит она.

– Да.

– Трое предводителей, семь вооруженных охранников и восемь святых матерей. Сейчас семь, я – восьмая.

Она одна из святых, это даже в мыслях странно произносить.

– Ты знаешь их имена? Матерей.

– Д-да.

И вот он момент истины. Потратила я время впустую или же нет. Солгала полковник или сказала правду. Найду я Лексу или нет. Если сестра не в школе, тогда я в полной растерянности, что делать дальше и куда идти.

– Лекса, меня интересует Алексия Брукс. Она там?

Девушка кивает, и я протяжно выдыхаю.

– Она в порядке?

Очередной кивок.

– Как можно её оттуда вывести? – спрашиваю я.

В разговор вступает мужчина.

– Никак. Святых матерей охраняют.

– Как охраняют, сколько их и чем они вооружены?

Мужчина мнетя на месте.

– Волк? Откуси ему яйца, – говорю я.

Я блефую, но мужчине об этом знать необязательно. Со-мневаюсь, что волк вообще знает обозначения слова "яйца".

Мой друг не успевает сдвинуться с места, только зары-

чать, а мужчина уже тараторит, хватаясь за святая святых всех мужчин:

– Они в учительской на втором этаже. Их охраняют трое. Круглосуточно. Оружия много. Тебя убьют.

Сомневаюсь.

Обдумываю слова мужчины, бросаю взгляд на девушку.

– Ты одна из святых матерей.

Она кивает.

Перевожу взгляд на мужчину.

– А ты, видимо, охранник.

– Да.

– Иди внутрь и выведи Лексу, иначе я пристрелю твою любовницу.

Не уверена, что сделаю это, но назад дороги нет. Теоретически, она есть, я могу развернуться и уйти отсюда, но я сестру с этими фанатиками не оставлю.

– Не выйдет, – говорит мужчина.

– Почему это?

– Мы и так сбежали сюда. Нам уже нужно возвращаться, иначе верховные пропажу заметят и тогда накажут.

Смотрю на ворох одежды девушки, которую она разбросала по полу комнаты. Взгляд натывается на балахон из детских вещей. Решение приходит само.

– Тогда ты заведёшь меня вместо неё. И поможешь выйти мне и моей сестре.

– Твоей сестре? – переспрашивает Нелли и тут же добав-

ляет. – Но Барон приедет завтра и...

– Меня это не касается.

Поворачиваюсь к девушке и приказываю:

– Одевайся, только плащ не трогай. Ты тоже можешь одеться.

В течение пары минут любовники облачаются в свои вещи. Подхожу к кровати и привязываю руки девушки к дужке, за которую она ещё недавно так страстно хваталась.

– Волк, остаешься здесь.

– Не оставляй меня с ним! – вопит девушка, подгибая под себя ноги.

Подхожу ближе к девушке и смотря на неё сверху вниз, медленно и четко произношу:

– Он перегрызет тебе глотку и любому другому, кто попытается тебя освободить. Поняла?

– Д-да.

– Сиди спокойно и всё будет хорошо.

Закидываю рюкзак под кровать, оборачиваюсь к мужчине:

– Как тебя зовут?

– Сэм.

– Итак, Сэм, мы отправляемся в школу, ты приводишь меня к сестре и выводишь нас двоих.

Кивает, но особой уверенности в его взгляде я не вижу.

Убираю пистолет в карман на штанах, накидываю балахон, покрываю голову и предостерегаю Сэма:

– Только попробуй что-то испортить, и ты будешь первым,

кого я пристрелю.

– Да понял я.

К счастью, Сэм является трусом, он даже не предпринял попытку вырубить меня или же напасть.

Выходим из комнаты. Не могу сказать, что не испытываю страха, просто он немного приглушен. Лекса там, в этой проклятой школе, а значит я должна сделать всё, чтобы вытащить её и Доми.

– Они убьют тебя, – говорит Сэм, открывая калитку.

Никак не комментирую его слова. Доходим до школы, и он открывает дверь. Оказываемся в пустынном помещении, быстро осматриваюсь по сторонам и замечаю мужчину в балахоне слева. Охрана. Наклоняю голову ниже, чтобы он не смог рассмотреть моего лица.

– Быстро ты сегодня, – говорит охранник, обращаясь к Сэму. – Теряешь сноровку.

Сэм берет меня за руку и тащит дальше, хмыкнув что-то неоднозначное охраннику. В школе тоже нет электричества, но тем не менее здесь светло, на стенах приклеены какие-то лампы, они похожи на палки размером с ножку стола и рассеивают темноту слабым желтым светом.

Первая лестница справа, и мы поднимаемся на второй этаж. Проходим всего три кабинета и останавливаемся напротив четвертого. Бросаю взгляд на открытую дверь напротив темницы сестры и вижу ещё двоих мужчин, они играют в карты, не обращая на нас никакого внимания.

Сэм заталкивает меня за дверь и запирает её.

Спертый воздух давит на легкие. Скидываю капюшон и осматриваюсь. Кровати расставлены по периметру кабинета. Окно заколочено и поэтому света тут практически нет. Можно рассмотреть только крупные детали. Достая фонарик и включаю его, предварительно прислонив место свечения к ладони. Девушки на кроватях начинают шевелиться. На некоторых их по две. И только тут я осознаю, что детей в этом месте нет.

– Нелли, что ты делаешь? Ложись.

Произносит голос слева, но я продолжаю медленно идти по кабинету. Подхожу к последней кровати и вижу светлые волосы, заплетенные в неровную косичку.

– Лекс? – шепчу я дрожащим голосом.

Девушка не реагирует. Подхожу ближе, и тут блондинка поднимает на меня голубые глаза.

– Алекс, – произносит она с печалью. – Я ждала тебя.

Сажусь рядом с сестрой и хочу обнять её хрупкое тело, но она не рвется к этому, и я оставляю всё как есть.

– Ты цела? – спрашиваю я и отодвигаю прядь волос ей за ухо.

– Отчасти.

В глазах сестры пустота, из неё словно высосали все жизненные силы. Нет ни улыбок, которые она часто раздавала налево и направо. Нет слёз, к которым она прибегала сотни раз. Нет ничего, и это пугает.

– Где Доми? – осторожно спрашиваю я.

Только после упоминания имени Доминика во взгляде Лексы появляется осознанность.

– Они забрали его. Увезли к Барону. Как и всех.

Черт! Ребенка в школе мне не найти.

– Кто ты? – спрашивает девушка, подходя к кровати Лексы максимально близко.

– Фиби, это моя сестра, я рассказывала тебе о ней.

Фиби – это короткостриженная блондинка. Она подступает к нам ещё на шаг и садится на корточки у кровати. Фиби так внимательно разглядывает моё лицо, что мне становится жутковато.

– Я думала, – тихо говорит она, обращаясь к сестре, – что ты её выдумала.

Лекса накрывает мою руку своей и слегка сжимает.

– Нет. Я знала, что Алекс придет за мной. Спасет всех нас.

– Всех нас? – переспрашиваю я.

Девушки начинают медленным ручейком стекаться к кровати Лексы. И вот уже несколько пар глаз прожигают меня испытывающими взглядами. Всех спасти я не собиралась. У меня нет еды или воды. Нет достаточного количества медикаментов. Даже транспорта подходящего нет.

Перевожу фонарик на лицо сестры и замечаю на правой щеке тонкие полосы.

– Что это?

Лекса отводит взгляд в сторону и глубоко вдыхает.

– Я потом расскажу. Нужно уходить.

Киваю и встаю с кровати. Разговоры подождут до лучших времен. Оглядываю девушек, сидящих на полу, и совершаю очередную глупость.

– Одевайтесь.

Они как мышки тихо, практически бесшумно рассредотачиваются по комнате и, шурша одеждой, быстро облачаются в неё. И ни у одной из девушек нет обуви и курток. Платья. Они, твою мать, все в платьях в пол с длинными рукавами, но у них есть плащи из детской одежды.

Чертова секта.

Беру Лексу за руку и веду к двери.

– Алекс? – шепчет она.

– Что?

– У тебя есть оружие?

У двери убираю фонарик и достаю пистолет. Вынимаю три ножа, один отдаю Лексе, два других забирают чьи-то руки.

Поворачиваюсь к девушкам.

– Мы должны пройти немного, но наделаем шуму. Кто бы не встал на вашем пути, вы должны их... уничтожить.

Пару мгновений тишины и ни одного возражения.

– Мы сделаем это... с удовольствием, – произносит Фиби.

Ладно. Короткостриженная блондинка напрягает меня больше остальных.

– Отойдите с линии огня, – говорю я и тут же презираю

себя за сказанное. Перед глазами всплывает самоуверенное лицо Закари, и я поправляю себя:

– От двери отойдите.

Ждём несколько минут, которые вырастают до часа, и тут я слышу, как открывается дверь учительской. Ключ в замочной скважине прокручивается трижды.

Дверь открывается, и я вижу Сэма. Он отходит в сторону, и на меня смотрят глаза из-под капюшона.

Мужчина лет пятидесяти. Над верхней губой шрам, глаза карие, но, кажется, что они начали выцветать. Навожу пистолет на него и, бросив взгляд направо, вижу Нелли. Она трясется как осиновый лист, рука в крови. Выбралась.

– Где волк? – спрашиваю я.

В груди поднимается волнение.

– Сбежал, – говорит Нелли.

– Опusti оружие, и мы поговорим, – произносит мужчина.

Девушки за моей спиной шушукаются. Считаю мужчин за спиной главара и насчитываю равное количество. Все здесь. Все, кто есть в школе, находятся на пороге учительской, мне нужно убрать их, и тогда мы сможем спокойно уйти. Охрана за спиной человека в капюшоне направляет на меня оружие. Его достаточно, чтобы изрешетить меня за пару секунд, но я не думаю, что они будут стрелять, ведь могут поранить святых матерей.

Какой же это бред.

– Ты не в выгодном положении. Предлагаю убрать оружие и поговорить.

Спокойным голосом и легкой улыбкой меня не взять. В какой-то степени я должна быть благодарна семейству Келлер за свою холодность, я, видимо, всё же подцепила это от них. И знаете что? Это помогает.

– Пусть сначала твои люди уберут оружие и уйдут, тогда я с тобой поговорю, – произношу я, снимая пистолет с предохранителя.

Пару секунд мужчина смотрит мне в глаза. Я не отвожу свои ни на мгновение. И только из-за этого замечаю, как он бросает мимолетный взгляд мне за спину. Это его и выдаёт. Святые матери – они для него очень важны.

– Если твои люди не уйдут, я пристрелю одну из ваших святош.

Главарь поджимает губы и всё же отдает приказ:

– Убрать оружие, идите в спортзал.

Мужчины моментально выполняют приказ. Опускают автоматы на пол и медленно отступают в сторону лестницы, замечаю, что двое из них и вовсе не были вооружены. Скорее всего они тут типа главные наравне с моим собеседником. Не оборачиваясь, спрашиваю у Лексы.

– Ты доверяешь Фиби?

– Да, – моментально отвечает сестра.

– Фиби?

Блондинка встаёт рядом со мной.

– Я здесь.

– Запри их в спортзале. Возьми один из автоматов и расстреляй ублюдков если это потребуется.

Не думаю, что девушка сможет это сделать, но человек передо мной должен понять, я – чокнутая сумасшедшая.

Фиби уходит, а я ведь даже не знаю, умеет она пользоваться оружием или нет. Киваю мужчине на дверь напротив, туда, где сидели и играли в карты охранники.

Он входит и садится за парту, я направляюсь следом. Десять ударов сердца он ничего не произносит.

– Я слушаю, – говорю я, лишь бы уже закончить всё это и свалить.

– Эти девушки важны не только для нас, но и для всего мира.

– С чего это вдруг?

– Туман пришел, чтобы наказать нас, но и очистить наши души. И только святые матери способны сделать это. Только их дети...

– Кто сказал тебе эту чушь?

Мой вопрос не нравится мужчине. Он смыкает губы в тонкую линию.

– Барон ведет нас в будущее, в котором есть место только вере в него.

Хмыкаю.

– Как удобно устроился ваш Барон.

– Я предлагаю тебе примкнуть к нам. Я лично буду о тебе

заботиться и оберегать от всех страхов. Кормить, одевать...

– Мне это не нужно.

Мужчина позволяет себе слабую улыбку, словно я глупое неразумное существо под его микроскопом.

– Защита нужна всем.

Защита нужна жертвам, а я больше не такая. Мужчина передо мной даже не понимает, что он не может мне предложить абсолютно ничего. Единственное, что меня интересует, так это сестра и её ребенок.

– Где дети?

Мужчина улыбается, и от его улыбки веет... добром.

Что за бред?

– Барон обо всем позаботился. И вот, посмотри на улицу. Туман практически ушел, проклятых стало намного меньше. И к нам пожаловал снег. Ты знаешь, что он символизирует? Чистоту и непорочность. Именно такими являются дети тумана.

От этого бреда начинает болеть голова.

– Мне плевать на вашего Барона, туман и снег. Сейчас, я и девушки уйдем, а вы нас преследовать не будете.

– Будем.

Чертов упрямец.

– Тогда мне проще убить тебя.

Я даже не успеваю удивиться своим словам, которые прозвучали ровно и без эмоций, словно я сказала какую-то банальность.

Мужчина отрицательно качает головой.

– Ты не убийца. Тебя выдает взгляд.

Как же ты ошибаешься. Логан с тобой явно не согласился бы.

Медленно отступаю назад и, когда появляется возможность, захлопываю дверь. Держу её, но мужчина не спешит выйти оттуда. Что-то не так. Он словно тянет время.

Оборачиваюсь и говорю:

– Лекса, соберите оружие, которое валяется на полу и бегите к выходу, я буду через минуту.

– Хорошо.

Девушки выполняют приказ и быстро удаляются. Я же остаюсь наедине с дверью, которую не могу отпустить.

– Ты сама придешь к нам, – говорит голос из-за преграды.

– Сомневаюсь.

Когда шлепанье босых ног стихает, считаю до тридцати, отпускаю ручку и со всех ног бегу к выходу. Несусь по ступеням, перепрыгивая некоторые, в конце лестницы практически падаю, выбегаю на улицу и вижу девушек. Они босые топчутся на месте. Куда мне их деть? Бросаю взгляд на желтый автобус.

– Все в автобус!

– Фиби не вышла, – стуча зубами, говорит Лекса.

Добегаем до автобуса, он заперт.

– Где могут быть ключи? – спрашиваю я.

Вперед выходит девушка, у которой лицо настолько

изуродовано, что на неё больно смотреть.

– В спортзале, – произносит она. – Там всё самое ценное.

– Идёшь со мной, остальные стойте здесь, если кто-то появится, стреляйте.

Бежим обратно, возле входа с распахнутой дверцей останавливаюсь.

– Как тебя зовут?

– Кортни, – отвечает девушка.

– Я – Алекс. Слушай меня и делай только то, что я скажу. Хорошо?

– Мы же убьем их? – спрашивает она.

– Если будет необходимо.

Девушка кивает, и меня сбивает с толку её хладнокровие. Скорее всего я так же выгляжу со стороны.

Толкаю дверь и снова оказываюсь в школе.

– Веди меня к спортзалу.

Там же должна находиться и Фиби. Бежим по первому этажу и останавливаемся за вторым поворот направо. Тут мне даже не нужно смотреть по сторонам, чтобы понять, за какой из дверей находится спортзал. У двойных створок стоит Фиби и держит какую-то швабру, она вставила её между двумя овальными ручками.

Повернувшись, смотрит на нас и еле слышно произносит:

– Вы пришли за мной.

Это не вопрос, а в голосе звучит такая уязвленность, что я отворачиваюсь.

– Наводи автомат на дверь, – приказываю я Кортни.

– Я не умею им пользоваться, – признается она. – Автоматом не умею.

Забираю оружие и, перезарядив, снимаю с предохранителя. Внимательно смотрю в изуродованное лицо, которое, кажется, жгли углями, и серьезно говорю:

– Не убей меня или Фиби.

Девушка кивает.

Оборачиваюсь к Фиби.

– Открывай двери.

Почему они безропотно выполняют всё, что я скажу? Девушка вынимает швабру и быстро вскидывает автомат на плечо, она держит его неправильно и если начнет стрелять, то сломает себе ключицу.

Подхожу и толкаю створки, они открываются внутрь, и я вижу мужчин, что стоят в центре спортзала. На лицах ноль эмоций. Может, они находятся под каким-то препаратом? В углу справа стоит Нелли. Какого хрена она оказалась по эту сторону двери?

Медленно вхожу внутрь, но что-то внутри меня подсказывает, что нужно спешить. Словно здесь вот-вот кто-то появится, и школа станет последним пристанищем для моего бренного тела.

– Где ключи? – спрашиваю я у Кортни.

– За той партой справа ящик.

Двигаюсь в нужном направлении. Один, тот, что находит-

ся ближе всего ко мне, делает шаг вперед.

Останавливаюсь и навожу дуло пистолета ему в лицо.

– Ещё один шаг и я выстрелю, – говорю я.

Он делает ещё шаг, и по спортзалу разносится автоматная очередь.

Звук настолько громкий, что его эхо ещё продолжает отскакивать от стен. Мужчина падает, а я, сглотив, продолжаю путь. Обхожу парту и открываю спортивную сумку. Тут уйма всего. В боковом кармане нахожу четыре связки ключей. Убираю их в карман, а сумку закидываю на плечо.

– Уходим, – командую я, и мы втроём передвигаемся в сторону двери.

Бросаю взгляд на тело на полу, я не хотела, чтобы всё закончилось именно так. Смотрю на Нелли.

– Идём с нами, – зову её я.

– Нет, я верю в Барона.

Идиотка.

Закрываем дверь, и в следующее мгновение в неё начинают долбиться.

– Они не позволят нам далеко уйти, – говорит Кортни, прожигая дверь ненавистным взглядом.

– Значит, нужно уходить быстрее, – говорю я и отворачиваюсь от девушек, но не успеваю сделать ни единого шага, как Фиби хватает меня за руку.

– Алекс.

В том, как она произнесла моё имя, столько боли. Оборачиваюсь.

чиваюсь и внимательно смотрю на девушку.

– Ты не знаешь, что они делали с нами. Что они сделали с нашими детьми.

Отдаю сумку Кортни, достаю ключи и прошу её открыть двери автобуса, иначе девушки отморозят себе всё, что только можно. Оставшись наедине с Фиби, задаю вопрос, о котором тут же жалею.

– Что они сделали с детьми?

– Принесли в жертву. Туман стал меньше, и их вера окрепла как никогда.

– В жертву? – с ужасом спрашиваю я.

– Да.

Не хочу знать подробности. Нет-нет-нет, это слишком ужасно.

– А с вами?

– Видела этих мужчин?

– Да.

– Они насильвовали нас, Кортни сопротивлялась сильнее всех. За это была наказана больше двадцати раз за самое ужасное преступление в кодексе Барона. Им нужны новые дети тумана. А мы обязаны их родить.

В глазах Фиби скапливаются слезы, но голос остается твёрдым.

– Мы должны их остановить... навсегда.

Куда я вляпалась?

– Таких мест много, – говорю ей я.

– Если мы остановим этих, то мир станет лучше. Поверь мне.

Поверить кому-то – это последнее, на что я соглашусь.

Если мы сейчас сделаем то, о чём говорит Фиби, тогда мы будем такими же, как они. Ничем не лучше чудовищ.

– Алекс, они найдут нас.

– Там Нелли, – напоминаю я.

– Она всегда была на их стороне, она помогала им. Держала мне ноги, когда...

– Прекрати! Я не хочу этого знать.

Фиби шумно сглатывает.

– Они насильовали Лексу. Те, кто находится за дверью. Они отняли её ребенка, и она по-прежнему думает, что он жив. Они свели её с ума.

Не замечаю, как рука тянется за гранатой, которую я взяла с собой.

Подаю её девушке и киваю.

– Хочешь быть судьёй? – спрашиваю я. – Вперед. Я мешать не стану.

Объясняю, как воспользоваться взрывчаткой и отворачиваюсь от Фиби. Она медлит, но в итоге на улице меня настигает громоподобный взрыв. Прикрываю голову руками, и сердце сбивается с ритма.

С каждым днем я становлюсь большим чудовищем. Фиби догоняет меня уже у самого автобуса. Из школы раздаются крики боли. Девушки уже сидят в автобусе, за рулем нахо-

дится Кортни.

Вхожу в желтую максимально примечательную машину и встаю в проходе. Смотрю на девушек по очереди и даже не хочу думать о том, что они пережили. Они были в аду.

– Я не могу вам предложить ничего, – начинаю я. – Каждая из вас вольна уйти. Вы свободны. Они... вас больше не тронут.

– Мы останемся с тобой, – говорит Фиби.

Киваю и обращаюсь к Кортни.

– Ты умеешь водить автобус?

– Он ничем не отличается от машины.

– Знаешь, где выезд из города, если ехать в сторону Дрим-Сити?

– Да.

Киваю.

– Езжай туда, я вас догоню.

Выхожу из автобуса и накидываю капюшон. Шагаю в сторону квартиры, которую я арендовала у блондинки. И сейчас мне плохо. Внутри разверзается черная дыра, она хочет поглотить меня.

В квартире я нахожу волка.

– И где ты был? – спрашиваю я.

Друг тычется мне в ладонь носом, и я сажусь на пол рядом с ним. Слезы начинают стекать по лицу, и я утыкаюсь в прохладную шерсть Волка. Позволяю себе минуту слабости, поднимаюсь, собираю свои вещи, роюсь в шкафу и до-

стаю все тёплые вещи блондинки, плюс нахожу четыре пары кроссовок, остальное всё на высоченных каблуках. Закидываю это в спортивную сумку, позаимствованную всё у той же блондинки, закидываю на плечо свой рюкзак и тот что притащил Логан, беру канистры и выхожу из дома на улицу. Еле как тащу вещи, но они все мне нужны, ничего оставить не могу.

Мы с Волком быстро реанимируем мотоцикл и несемся к выезду из города. Я приезжаю вперед автобуса, откапываю вакцину, прячу её в нагрудный карман и только сейчас понимаю, что я не узнала у Лексы о лекарстве от диабета.

Через десять минут приезжает автобус. Не знаю, как Кортни удалось проехать по заваленным улицам города, но она справилась. Закидываю сумку и рюкзаки в автобус.

– Наденьте на себя что-то из этого. Остальное добудем позже.

Выходя из автобуса, слышу, как девушки шушукаются и переспрашивают друг у друга о волке и мотоцикле.

Сажусь на свой транспорт, завожу его и уезжаю в сторону девятки и восьмерки, но на первом же повороте поворачиваю налево и двигаюсь как можно дальше от семьи Келлер, а самое жуткое, что на заснеженной дороге между городами не только наши следы, свежие следы от чужих машин напрягают меня сильнее, чем мне того хочется.

Уезжая из Беримора, Алекс даже не догадывалась, что Ба-

рон прибыл раньше и увидел пепелище на месте одной из своих паств. Барон крайне редко приезжал сам за святыми матерями, но в этот раз соизволил явиться, чтобы его последователи ещё сильнее уверовали в него. Единственный выживший мужчина, тот самый, что бездейственно сидел в кабинете на втором этаже, рассказал Барону о том, что произошло. Он в красках поведал, что некая девушка истребила всех охранников и украла святых матерей. Барон был зол и даже не спросил, отчего же единственный выживший остался в здравии, не получил даже малейших травм. Он приказал вернуть святых матерей, а девушку, что осквернила их деяния, привести к Барону для казни.

Через два часа после отбытия из школы Барона и части его подданных, группа людей в черной военной форме нашла квартиру блондинки. Обнаружили там тело Логана и следы пребывания Алекс. Они поняли, что именно Брукс была там, по волчьим кровавым следам.

Алекс ехала прочь и думала только о том, что ей делать с семьей сломленными и искалеченными девушками. Не доезжая до следующего города, беглянки вынуждены были остановиться, в автобусе кончилось топливо. Но даже эта проблема казалась столь незначительной по сравнению с другой. С края леса, левее от дороги начали появляться силуэты зараженных. Голодных и свирепых как никогда. Девушки не видели их, а зараженные тем временем начали окружать автобус. Снег и холод привнес в их облик некие изменения, но

что самое страшное – они стали умнее.

Глава четвертая

Находясь в вертолете на высоте четырех тысяч километров над уровнем моря, Закари смотрит на темный снимок в руках. Он не понимает, что и где расположено на нём, но это запелляционное доказательство – Герда беременна.

Десять недель.

Больше двух месяцев Герда носит под сердцем ребенка. Его ребенка. Удивительно, но смотря на неразборчивый снимок, Зак испытывает только одно чувство – страх. Он ознобом проходится по телу и оседает где-то глубоко в душе.

Зак не может не сравнивать свои чувства, которые испытывал пять лет назад и сейчас. Слишком многое изменилось. Он изменился. Сейчас Закари не испытывает радости, но внутри стала зарождаться новая ответственность, куда большая, чем за девятку и всех, кто находится внутри. Он никогда не считал себя неуязвимым, но этот ребенок, даже будучи ещё в утробе матери, показал, насколько он слаб. Противостоять миру непросто, но ещё сложнее противостоять апокалипсису. Стоит ребенку родиться, он тут же будет обречен на несчастья, ведь во время тумана нет ничего положительного. Его ребенок не пойдет в сад или школу, он не заведет себе друзей только лишь потому, что так будет весело.

Только выживание и ничего более.

Закари вспоминает о том, как схватил Герду за руку и

угрожал ей. Не нужно было этого делать, но стоило Герде сказать о том, что она может избавиться от ребенка, и у Зака снесло голову. Он был настолько зол, что будь на месте беременной Герды кто-то другой, он бы убил его.

Но несмотря на весь ужас и страх, Закари Келлер никогда не откажется от этого ребенка и сделает всё возможное, он душу дьяволу продаст, но сохранит жизнь малыша и будет стараться делать её более-менее сносной.

Иначе он не может. Не умеет.

Кроме Лейзенберга, гинеколога Руффи, Зака и Герды, никто не знает о её положении. И не узнают. Если уж его мать смогла пропихнуть на девятку Александрию Брукс, то вполне вероятно, что на базе есть ещё кто-то из её людей.

Зак не может позволить повториться событиям. Он больше не потеряет ребенка, а если кто-то осмелится причинить ему вред, того ждет неминуемая смерть.

Вертолет начинает снижаться, и если бы Закари Келлер позволил себе выглянуть из окна, то увидел бы Статую Свободы, а снизу заснеженную местность и троих мужчин в военной форме темно-синего цвета. Немного вдалеке на водах реки Гудзон расположился военный корабль.

Зак убирает фото в нагрудный карман черного пиджака и надевает куртку. Оружия при нём нет, рации тоже. Сейчас вся ответственность за девятку лежит на плечах Нео и Рэнли. Лейзенберг же следит за Гердой.

Сняв наушники, Закари выбирается из вертолета. Винты

ещё кружат, и "гостя" быстро провожают в подземное царство клонов. Вот только он об этом знать не должен.

Без лишних слов его сопровождают в комнаты, где жили его отец и сестра.

"Соболезную", – это слово ему говорят все, кого он видит. Закари лишь кивает. В комнату с ним проходит только один военный – капитан Хант, и показывает на неприметный стол, на котором стоит внушительного размера коробка.

– Тут вещи вашего отца. Тело сейчас загружают в вертолет.

– Благодарю.

Закари переводит взгляд на собеседника и не меняясь в лице спрашивает:

– Где моя сестра?

Мужчина перед ним не из робкого десятка. Ему уже глубоко за пятьдесят, капитан слишком долго был в военном деле и умеет держать маску. Он никак не показывает растерянности, но военный явно испытывает облегчение. Если Ребекки нет на девятке, то у них есть возможность найти её и убрать, если того потребуют обстоятельства.

Это одна из главных причин нахождения Зака в этом месте. Сберечь сестру, которая стала персоной нон грата для сильных мира сего. Зак готов прятать её до старости, но не уверен, что сам доживет до преклонного возраста. Следовательно, он должен обезопасить Ребекку и будущего ребенка до дня икс. До дня, когда Закари Келлера больше не будет

на этой прогнившей планете.

Капитан не сводит пристального взгляда с Зака и лжёт так, словно от этой роли обманщика зависит, получит ли он оскар.

– Ваш отец отослал её ещё несколько недель назад. Разве она не прибыла на базу? – осторожно спрашивает мужчина.

Закари выжидает пару мгновений и, нахмутив брови, говорит:

– Боюсь, что нет. Кто её сопровождал?

– Я уточню эту информацию и доложу вам по радиосвязи, которую мы наладим между Свободой и базой номер девять.

Свободой, как банально они называли место заточения клонов.

– Может, отец отправил её к матери? – спрашивает Закари, пытаясь пустить ищеек по ложному следу.

Хант тут же подхватывает ложь и развивает её дальше.

– Он упоминал полковника, но я не уверен.

Зак прикасается к коробке и тихо произносит, не смотря на военного:

– Я буду благодарен вам, если вы сможете найти мне Рибекку.

– Безусловно наша организация приложит максимум усилий. Кроме вашего отца, нам нужно обговорить ещё кое-что.

А вот и вторая причина нахождения Закари на Свободе. Задача Ханта же до боли проста, он должен понять, что Закари Келлер не угроза Свободе и её деяниям, а так же он

должен как можно быстрее отправить сына Родрика на материк.

– Что именно? – интересуется теперь уже постоянный глава базы номер девять.

– На Свободе уже долгое время проходит работа над некоторыми биоматериалами, ваш отец был поставщиком определенных ресурсов. Нам нужно это и в дальнейшем. Может, через неделю, а может, и через год.

– Что за ресурсы?

– Стволовые клетки. Мы обсудим это позже, после того как вы проститесь с отцом и наладите работу базы номер девять. Боюсь, нам пока некого поставить вместо вашего отца, а он всегда отзывался о вас как об опытном... руководителе.

Как все размыто и без конкретики. Закари знал, что они сейчас не попытаются сместить его. У них и тут куча дел, для чего ломать работающий механизм? Они ведь просто могут завербовать главу девятки для своих целей, это намного проще, чем внедрять своего человека.

Это они и пытаются сделать. И сделают. Закари позволит им.

– Если отец считал это важным, то мы продолжим сотрудничество.

Пару мгновений мужчины смотрят друг другу в глаза. Каждый пытается понять, кто же выиграл этот раунд.

– Рад это слышать, – произносит Хант. – Оставлю вас, можете отдохнуть, вертолет будет готов через два часа.

Военный уходит, а Закари рассматривает коробку. Перебирает содержимое, но не смотрит на него, это механическое действие для камеры наблюдения над дверью. Закари складывает всё обратно и отправляется в уборную, она находится тут же, в самом конце "квартиры", входит, запирает дверь и включает горячую воду на максимум. Смотрит на зеркало над раковиной и уже через несколько секунд там появляются буквы и цифры. "13 Родриг".

Закари выключает воду, берет полотенце и вытирает зеркало так, что больше никто не увидит этой надписи. Ещё будучи детьми, они играли так с Зейном. Отец научил их оставлять тайные послания на стеклах и зеркалах. Самым популярным местом "записок" была ванная комната.

Вернувшись к коробке, Закари садится за стол и представляет дальнейшие действия организации, которая убила его отца. Скорее всего они уже начали искать Ребекку, ведь её побег был недальновиден. Если бы она осталась здесь, её бы не тронули. Военные на Свободе не идиоты и поняли бы, что гибель двоих Келлеров навлечет на их головы куда большие проблемы, нежели устранение одного. Кроме поисков Ребекки, которая может знать больше положенного, военные начнут вербовать Закари. С этим он им поможет. Только после того как на Свободе будут уверены в его преданности, только тогда начнется всё самое интересное.

Спустя час в бывшее жилище отца входит мужчина, он представляется майором Гарднером. Он долго и муторно

рассказывает о заслугах отца Закари, а потом провожает гостя к вертолету. Забравшись внутрь, сын видит темно-коричневый, практически черный гроб отца. Садится, ставит коробку с вещами себе под ноги и надевает наушники. Вертолет взлетает, а Зак продолжает смотреть на лакированное покрытие последнего прибежища отца. Сын вспоминает самые ключевые моменты, которые связывали их. Их было достаточно, но не так много, как хотелось бы.

Вернувшись на девятку Закари тут же отправляется в свой кабинет. В это время на кладбище недалеко от склепа, в котором покоится сын теперь уже постоянного главы базы номер девять, четверо мужчин роют промерзлую землю и матерятся на чем свет стоит. Они не знают, кого сегодня будут провожать в последний путь и сквернословят знатно. Один даже предложил внести закон, чтобы в зиму люди не смели помирать, иначе... а что иначе? Даже если бы эта четверка знала, кого сегодня похоронят, они бы ничего не почувствовали, потому что появились на девятке уже после прихода тумана и ни разу в жизни не видели Келлера-старшего.

Уже на закате Закари и его сестра садятся в бронированный внедорожник и отправляются на кладбище. Третий дорогой для Закари человек оканчивает свой путь именно здесь.

Нео с семнадцатью военными прочесали периметр и убедились, что на кладбище никого нет и дочь может проводить любимого отца и не быть замеченной людьми со Свободы.

Снег повалил знатно. Если так будет продолжаться, то им придется возвращаться по сугробам.

Закари уверенно ведет машину и слушает тихий голос Ребекки. Сестра старается не плакать, но слёзы крупными каплями стекают по щекам, пока она рассказывает Заку истории, о которых он и так отлично знает, многие из них он вспоминал в вертолете несколько часов назад.

В этот раз на кладбище нет старого священника, его заменил молодой парень, только он из всей девятки кое-как разбирался в слове божьем. Патрик пел в хоре ещё с пяти лет, а потом его мать заставляла ходить на все службы. И вот настал момент, когда это ему пригодилось. Одетый в обычную одежду, он держит в трясущихся от холода руках Библию с золотым переплетом и ждёт, когда семья соберется полностью.

Когда Закари и Ребекка подходят к яме, разинувшей пасть, то полковник уже стоит у гроба и смотрит на коричневое дерево не моргая.

В этот раз Зак не прогоняет её.

Хочет ли он этого?

Да.

Но Закари знает, что отец любил только одну женщину. Несмотря на то что она чудовище, готовое ради цели сожрать всё своё потомство. Их отец любил её всегда. Он добивался её расположения, а добившись, не прекратил располагать полковника к себе на протяжении долгих лет. Он был упрям

и напорист. Но ничто не было способно растопить сердце железной леди. Даже сейчас, стоя на краю могилы, она не уронила ни единой слезинки. Она без эмоций смотрит на крышку гроба, а когда старшие её дети подходят достаточно близко, поднимает взор на своего сына. Она не видела дочь очень долго, но даже не дарит ей секундного взгляда, от этого Ребекке становится ещё больше.

– Они его убили? – спрашивает полковник, не сводя взгляда с сына.

Зак не отвечает ей, его взгляд против приказов разума направляется не на гроб отца, а немного правее – на склеп. Закари мысленно просит отца присмотреть за его ребенком. Он не верит в другой мир, в то, что люди как-то возрождаются или же приобретают бессмертную душу, но предпочитает думать, что его ребенок всё же где-то существует. Однажды Зак пытался понять, почему отказывается принимать смерть сына и понял, что ни один родитель не сможет смириться с этой утратой. Это невозможно. Это выше сил смертного человека.

Не получив ответа, полковник отворачивается от детей, и уходя, бросает:

– Я думала, Зейну хватит смелости прийти хотя бы сюда. Эта случайная фраза была вовсе не случайной. И полковник и Закари оба знали об этом. Полковник пыталась понять, где её младший сын, но по лицу старшего было невозможно ничего прочесть. Так она и уходит к своей машине, не полу-

чив ни единого ответа, но внутри полковника начинает зарождаться злость. Злость на тех, кто посмел причинить фатальный урон единственному человеку во всем мире, который любил её безвозмездно.

Ведь даже чудовищу необходима капля любви и преданности.

Глава пятая

Будь проклят этот снег!

Ненавижу!

Гребаная погода!

Останавливаю мотоцикл, потому что слишком далеко уехала от автобуса. Почему они едут так медленно? Мне нужно убираться от базы номер девять как можно дальше и быстрее, но мой новый балласт этому не способствует.

Остановилась, а вот Волк пронесся вперед со скоростью пули. Оборачиваюсь и вижу, что автобус и вовсе не едет.

Какого хрена? Поворачиваю обратно и выжимаю тормоз у самой двери, она тут же открывается, и оттуда на меня смотрит изуродованное лицо Кортни.

– Бензин кончился. Совсем.

Я готова быть похлеще волка.

Мои канистры почти пусты. Слезая с байка, ставлю его на подножку и поднимаюсь в салон автобуса. Дверь за мной закрывается, и я смотрю на испуганные лица девушек.

Это мой геморрой. На хрена они мне нужны? С какой стати я должна заботиться и оберегать их? Но они смотрят на меня так, будто я знаю, что делать и как поступать. А я ничего не знаю. У меня абсолютно нет мыслей на их счёт.

Нахожу взглядом Лексу.

– Мы с тобой поедem в город, найдем топливо и вернем...

Мне не удастся договорить, Фиби соскакивает с места и, держа в руках автомат, отрицательно качает головой.

– Ты не вернешься тогда...

– Что? – переспрашиваю я.

Фиби прочищает горло и говорит достаточно громко, чтобы после её фразы поползли шепотки.

– Если ты заберешь свою сестру, то тебе не будет резона возвращаться за нами.

А ты не дура. Совершенно новым взглядом рассматриваю девушку, которая недавно взорвала школу с приличным количеством людей внутри. Она совсем не проста и в её глазах я вижу одно – желание жить. Достойное желание в наше время. Полезное.

– Хочешь поехать со мной? – спрашиваю я у Фиби.

Её глаза мгновенно начинают сверкать, словно я предложила ей нечто поистине ценное, я же надеялась на её незамедлительный отказ.

– Да.

Она отвечает даже не подумав, что в автобусе намного безопаснее, чем снаружи. В городе нас может ожидать что угодно... кто угодно.

– Тогда возьми у кого-нибудь куртку, иначе окоченеешь.

Пока Фиби разбирается с одеждой, я сажусь на корточки в проходе и смотрю на Лексу.

– Как ты?

– Нормально. Когда мы уже пойдем за Доми?

Этот вопрос моментально отправляет меня во времена, когда она просила меня вернуться за Зари. Тогда я этого не сделала, потому что не хотела рисковать близкими ради неизвестного мне парня, а сейчас я не сделаю этого, потому что Доми нет.

Взгляд сестры настолько открытый, что я не вижу там ни единой капли безумия. Но будь так просто распознать больной рассудок, то раньше все психбольницы были бы переполнены. Ведь так?

Мы обязательно поговорим с Лексой, но не сейчас, тут слишком много посторонних ушей. Предполагаю, что сестра не смирилась с потерей сына, но я не позволю ей слететь с катушек, она нужна мне, ведь кроме Лексы, у меня больше никого нет. Я не готова отказаться от неё. Мы выпутаемся вместе. Сейчас слово "сестра" значит для меня куда больше, чем когда-либо.

Обхожу ответ стороной и задаю более важный вопрос:

– У тебя ведь нет с собой лекарства?

Лекса отрицательно качает головой.

Гадство!

У меня есть лекарство иного рода. Я забрала с собой вакцину, но не могу быть уверенной, что она поможет. Да, Лейзенберг спас свою Пятницу от малярии, но ведь до этого были и другие. Что с ними было не так? Что, если Пятница – это случайность, и вакцины от всех болезней нет? Что произошло с остальными Днями Недели?

Не хочу об этом думать, но не могу.

У меня будет шанс проверить гениальность доктора ценой жизни моей сестры.

Всего одна попытка.

Но не сейчас.

В данный момент Лекса выглядит нормально, у меня есть время доехать до города, обзавестись топливом и вернуться назад. Тащить всех девушек пешком – глупо. Половина просто отморозит себе босые ноги, а если на нас нападут, то скорее всего мы все погибнем.

– Я готова, – произносит Фиби у меня за спиной.

Поднимаюсь и не прощаясь с сестрой выхожу вон из автобуса, Фиби следует за мной. Как только девушка выходит из желтого транспорта, водитель Кортни тут же закрывает двери. Они должны сохранять тепло настолько, насколько это возможно.

Подхожу к мотоциклу и натягиваю капюшон, заливаю остатки топлива в бак, вешаю пустые канистры по бокам, завязываю шнурки под подбородком и, перекинув ногу, сажусь на транспорт. Перед нами появляется Волк. Фиби тут же хватается за рукав куртки.

– Он опасен! – взвизгивает она.

Оборачиваюсь и, твердо смотря ей в глаза, говорю:

– Если ты не хочешь причинить мне вреда, то он тебя не тронет.

Девушка немного расслабляется и это говорит о том, что

она мне зла не желает. Пока. Ну или как минимум хорошо это скрывает.

Пару мгновений, и взревев, мотоцикл уносится в сторону ближайшего города. Проезжаем табличку, но я даже не вижу названия. Это больше не имеет значения. Все города похожи друг на друга – запустение, холод и смерть.

Волк несется рядом, я больше не вижу автобуса и сосредотачиваю всё внимание на дороге, но это длится недолго. Новый город, неважно каково его название, выглядит отвратительно, нам не проехать даже к первым домам, уйма перевернутых и брошенных машин. Автобусу тут тоже делать нечего.

Нам эту вершину не преодолеть.

Твою ж мать!

Я уже без сил, но даже не знаю, когда примерно смогу хоть немного передохнуть, перевести дух и подумать о новых вводных. А ещё нужно поговорить с Лексой. Уже сейчас я вижу, что она кардинально изменилась. Больше нет милых улыбок и пустых разговоров. Но самое жуткое, её глаза стали другими, словно она прошла войну и осталась единственным выжившим.

Сбавляю скорость, полностью останавливаемся и приказываю Фиби отцепиться от меня. Спускаюсь с мотоцикла. Девушка тоже слезает, и я отдаю ей одну из пустых канистр. Вторую беру себе и пару мгновений стою в растерянности.

А каким, собственно говоря, бензином заправляют авто-

бусы?

Как же раньше всё было проще? На любой даже самый глупый вопрос ты мог получить ответ из интернета, сейчас же мне ничего не остается, как добыть любое топливо и молиться, чтобы автобус принял его и поехал дальше.

Идем вдоль искуроченных машин, наблюдаю за волком, и у меня, как и у него шерсть (будь она у меня) встала бы дыбом. Машины так изуродованы не людьми. Это уже сделали зараженные. Мятые капоты, перевернутый транспорт с выбитыми стеклами.

Обходим первые завалы, и я вижу дыру посреди дороги. Её что – взорвали? Приглядываюсь более тщательно и понимаю, что тут была настоящая бойня. Как на войне. Ближайшие здания разрушены, машины перевернуты из-за взрывных волн. Скорее всего люди пытались отбиться от зараженных. Уверена, у них это не получилось.

Волк останавливается и начинает скалить зубы.

Медленно опускаю канистру на снег и достаю пистолет. Всматриваюсь в пространство между первыми одноэтажными домами и мысленно считаю до десяти и обратно. Я не должна нервничать или переживать. Каждая пуля важна и ценна.

Вот только Фиби, видимо, так не думает. Стоит Волку пригнуть голову ещё ниже и зарычать громче, как Фиби начинает палить прямо перед собой. Машинально пригибаюсь и прикрываю голову руками. Девушку же отбрасывает назад.

Она стонет, держась за правую ключицу, автомат валяется рядом, мотоцикл больше не стоит.

Сука!

Я так и не сказала ей как правильно держать оружие. В школе стреляла Кортни и она с этой задачей справилась, а вот Фиби – нет.

Но и эти мысли надолго не задерживаются у меня в голове.

Рык. Дикий и звериный рык разносится по округе. Оборачиваюсь, и меня тут же сбивает с ног "поезд". Отлетаю дальше Фиби и наблюдаю, как мохнатое чудовище склоняется над девушкой.

Не теряя времени даром, навожу пистолет в голову чудовища и стреляю. Я уже успела отвыкнуть от присутствия зараженных. Спускаю крючок ещё дважды, и зараженный валится на снег рядом с Фиби. Волк кружит вокруг него, девушка пытается отползти как можно дальше, я же, наоборот, подбираюсь к зараженному.

Он изменился.

Всё того же черного цвета, вот только кожа больше не лоснится, она обросла... мехом? Он конечно не такой шикарный как у волка, но всё же. Так вот где они пропадали? Снова адаптировались? Этому их навыку я могу только позавидовать. Но как за такой короткий промежуток времени растительность успела вырасти настолько? Уму непостижимо. Хотя чему я удивляюсь? С появлением тумана изменилось всё, кажется, что предыдущие законы природы и вовсе пере-

стали действовать.

Тянусь, чтобы перевернуть зараженного на спину, за мной оказывается Фиби.

– Что ты делаешь?

Не отвечаю, мне нужно посмотреть как изменилось "лицо" зараженного.

– Не трогай это!

Оборачиваюсь к испуганной девушке. Она очень пытается быть храброй и сильной. Это ценно, но пока она ещё слишком мало повидала.

– Если ты будешь кричать, скоро тут появятся и остальные.

Откуда во мне взялась эта уверенность? Я не могу знать наверняка, но веду себя так, словно выгрызала право на существование всё это время. Хотя по большей части я жила под защитой стен баз номер восемь и девять.

Девушка внимательно смотрит на меня, но в итоге кивает. Отлично.

Толкаю зараженного, и он ложится на спину под аккомпанемент хруста снега. Шерстью обросло всё тело, в том числе и лицо. Длинной она не больше пары сантиметров. И знаете ли, это выглядит куда ужаснее, чем было "до".

– Какая мерзость, – шепчет Фиби.

Отправляюсь к мотоциклу, поднимаю махину, Фиби врезалась в него когда отлетела, откатываю транспорт в сторону от дороги и ставлю на подножку. Осматриваю придиричи-

вым взглядом и, кроме поцарапанной краски, не нахожу повреждений. Это хорошо. Я пока не готова отказаться от этой игрушки. От его подарка.

Через минуту мы оставляем тело зараженного и отправляемся в город. Нам тут нечего делать. Косо смотрю на Фиби, кажется у неё ничего не сломано, по крайней мере она об этом не сообщает. Морщась от боли она всё же поднимает автомат и вешает его на плечо, то что ещё не успела отбить.

Придется объезжать город, автобус не проедет по загромождённым улицам с дырками в асфальте. Но всё же это город, и в нем можно добыть еду, воду, одежду для беглянок и топливо.

Бродим около двух часов, пока не находим заправку. Отставляю канистру, достаю пистолет из кобуры и подхожу к Фиби.

– Сейчас мы пойдем на заправку. В само здание. Там может кто-то быть, поэтому води себя максимально тихо и слушай меня.

– Хорошо, – шепчет она.

Киваю и первой под хруст снега отправляюсь в одноэтажное маленькое строение. Витрина разбита и половина помещения уже захвачена снежными вихрями. Внимательно смотрю на них и не вижу там следов. Только волчьи. Друг молчит, а я полагаюсь на его звериное обоняние, но всё же осматриваю разрушенную заправку изнутри. Тонкий луч света фонаря рассекает темноту словно меч, и обойдя поме-

щение на два раза, я успокаиваюсь.

Глупо было надеяться, что на заправке осталось хоть что-то из продуктов, полки давно опустели. Ни единого фантика от конфет. Но нам нужно топливо и надеюсь, оно тут имеется. Но я сталкиваюсь с очередной проблемой – электричества нет. И как прикажете мне набрать канистры? Обхожу помещение на третий раз и заглядываю в подсобное помещение, нахожу там насос для ручного использования. Он уже был в эксплуатации, но на самом насосе есть надпись как именно его использовать. Тащу ношу на улицу и не могу сдержать напряженной улыбки – я молодец.

В этот раз удача поворачивается ко мне лицом, а не как всегда.

Третья колонка оказывается не пустой. Набираем канистры и в течение часа возвращаемся к мотоциклу. Постоянно озираюсь по сторонам, но больше зараженных не вижу, но чувствую, словно за нами кто-то наблюдает, подмечает каждый шаг, будто мы зашли на чужую территорию, и владелец пытается определить, вандалы мы или нет. Конечно вандалы, ведь я стащу с этого города всё, что только смогу унести.

К автобусу мы возвращаемся уже когда полностью рассвело. Отдаю топливо Кортни и поднимаюсь в салон, сажусь рядом с Лексой, она безучастно смотрит в окно. Раньше она была похожа на куклу, сейчас всё так же красива, только сло-мана.

Девочка моя, что же они с тобой делали?

Стаскиваю с рук перчатки и растираю окоченевшие пальцы.

Фиби рассказала мне о том, что происходило в школе, но я хочу узнать, правда ли это. Может, мне не стоит знать?

Внутри образуется горький ком. Мы не разговариваем, но я подмечаю, что у сестры над верхней губой скапливаются капельки пота. Всё бы ничего, но в автобусе холодно. Скоро ей понадобится лекарство, и у меня оно есть, но я боюсь его использовать. Что, если я совершу ошибку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.